

РУССКИЙ ГЛАМУР
ИЛИ ПОВЕСТЬ О (НЕ)НАСТОЯЩЕМ ДЕНДИ
(RUSSIAN GLAMOUR
OR THE STORY ABOUT AN (UN)REAL DANDY)

АНАСТАСИЯ ДЕ ЛЯ ФОРТЕЛЬ
(ANASTASIA DE LA FORTELLE)

Abstract

In the light of its historical background the author explores the meaning of the term “dandy” in relation to “glamour” and fashion, mainly in contemporary Russian culture. A special analysis is devoted to Sergei Minaev’s 2006 novel *Dukhless*.

Keywords: *Libertinage; Dandyism; S. Minaev*

Наша цель – рассмотреть некоторые из тех литературных контекстов, применительно к которым используется сегодня термин *денди*,¹ понять, каким смыслом термин этот наполняется, и как этот смысл связывает его вполне естественно или же, наоборот, искусственно с контекстом употребления.

Просматривая современные использования слова *денди*, становится понятно, – и здесь можно перефразировать Вяземского с его знаменитым высказыванием о романтизме – что дендизм это тот самый домовой, о котором все слышали, но, как он точно выглядит, описать не может никто. Парадокс этот, конечно, может показаться вдвойне парадоксальным, когда речь идет о дендизме, но в действительности отвечает

парадоксальной сути самого феномена, который заявляет о себе как о некоем своде непреложных, но одновременно подвижных законов и императивов. Эти последние привязаны к обстоятельствам, к *kairos* (счастливая случайность и одновременно момент метаморфозы) и не заполнены никаким предопределенным и четко фиксированным содержанием. Как известно, в своей знаменитой реплике “Вы это называете фракком?” (“Do you call this thing a coat?”) Браммель не объясняет, что такое фрак и каким он должен быть, будь то с точки зрения концепта или модели.² О том же самом пишет Барбе д’Ореви́льи – “On ne se fait pas Brummell. On l’est, ou on ne l’est pas” (Barbey d’Aurevilly 1964: 1435).

Парадоксальность эта, конечно, открывает несметные возможности для “одендирования” любой реальности, когда прививка дендизма видится в любой антиконформистской модели, лишь бы в ней наличествовал привкус эстетизма, и когда Лакан (Nœud pap’, *cigare*, *allure de dandy*), например, может вдруг оказаться на одной парадигматической оси с хипстерскими Moleskin’ами, ломографом и джинсами-скинни.³

Говоря о сегодняшнем употреблении слова *денди*, мы хотели бы обратиться к той специфической части русской современной словесности, которую принято называть массовой литературой. Эта последняя, как было неоднократно отмечено и литературными критиками, и социологами, напрямую связана с явлением той “безыдейной идеологии”, которая стала уже своего рода “национальной мечтой” (или же массовым психозом), – а именно, с явлением *гламура*. Если на Западе гламур является лишь одним из вариантов зрелищной роскоши и элитарности, то в России, с середины 90-ых годов, он овладевает функциями главной “символической власти” (см. Михайлова 2008) во всех сферах жизни от гастрономической (“Моэт в России больше чем Моэт”, как гласит заголовок одного из интервью, посвященных гламуру), до политической (обнаженный Путин, который теперь, как известно, пользуется еще и “услугами” ботокса).

С точки зрения этимологии, термин *гламур* в определенный момент своего “пути”, а именно где-то начиная с XVI века (шотландское *glamor*), стал обозначать колдовское “очарование, блестящую роскошь”. Аллан Рамзай писал в 1721 году: “When devils, wizards or jugglers deceive the sight, they are said to cast glamour o’er the eyes of the spectator” (“Когда дьяволы, колдуны и фокусники обманывают зрение, они, как говорят, набрасывают пелену на глаза зрителя”; Ramsay 1807: 153). В этом же значении его употребляет позже Вальтер Скотт в поэме *The Lay of the Last Minstrel* (1805): “A moment then the volume spread / And one short spell therein he read / It had much of glamour might...” (“Раскрылась книга волхвований. / На первом же из заклинаний. / Уродец принялся читать...; Scott 1841: 20).

Download English Version:

<https://daneshyari.com/en/article/1103852>

Download Persian Version:

<https://daneshyari.com/article/1103852>

[Daneshyari.com](https://daneshyari.com)